

История социально-экономической мысли в России в XX веке. Чайнов и Кондратьев

ЛЕКЦИЯ 2

ТЕОРИЯ ЧАЙНОВА И ПЕРЕСТРОЙКА

Теория Чайнова в 1990-е годы парадоксальным образом себя подтвердила и, если хотите, оправдалась. Вот мы говорим: почему не реализовался оптимистический сценарий свободного крестьянско-фермерского развития в России? Были и другие сценарии в начале 90-х. Говорили, что произойдёт полный коллапс, страна попадёт в хаос, будет голодать, потому что её совхозное и колхозное производство разрушено и ничего не создано. Но страна не голодала. Если мы посмотрим статистику 90-х годов, то увидим, что происходит громадный спад сельскохозяйственного производства, по многим показателям производства важнейших видов сельскохозяйственной продукции страна откатывается на показатели начала 60-х. Но голода нет, и, можно сказать, что питаться в 90-е люди не стали хуже, чем в 80-е.

В чём причина этого? Да, безусловно, импорт. Но обратите внимание: если вы посмотрите структуру сельскохозяйственного производства, окажется, что семейное хозяйство в карликовых формах личного подсобного хозяйства демонстрирует рост. В совхозах – спад производства, в колхозах – спад, фермеры в 90-е годы производят около двух процентов. А 60% – на шести сотках с лопатой, на 25 сотках в бывших колхозах. Для того чтобы выжить, горожане получают дачи в начале 90-х, крестьяне – полгектара или гектар. Именно семейный труд мобилизовал внутренние ресурсы страны. Мы недооцениваем значение этого мельчайшего семейного труда, который был вложен в 90-е годы для выживания и сельского, и городского населения в России. Сейчас такой труд сокращается. Те же самые подмосковные дачи засеиваются газонной травкой. А вспомните, в 90-е – сплошь и рядом везде картошка, картошка, картошка и, конечно, огурцы, помидоры и так далее. Это первое.

Второе. Чайновская теория семейного труда, семейного хозяйства универсальна, она касается не только сельскохозяйственного производства. Чайнов подчёркивал, что часто и в труде ремесленника можно обнаружить те же самые мотивации баланса между трудом и потреблением, которые свойственны крестьянскому хозяйству. Эти семейно-трудовые ценности и основы этой кооперации, пусть не в масштабах общества, но в масштабе взаимодействия отдельных семей, были широко распространены именно в 90-е годы. Речь идет о так называемой неформальной экономике. То есть по статистике получалось, что российское население должно вымереть, потому что, например, в 1995 году невозможно было жить на официальную государственную зарплату учителя или офицера. Но если реальный доход, статистически фиксируемый, составлял 25%, то ещё 75% процентов составляла вторичная, третичная занятость. Например, человек работал где-то на селе путевым обходчиком, а еще у него был огород с картофелем, корова, существовал межсемейный бартер, и таким образом он оптимизировал свой семейный бюджет и боролся за своё существование. В то время в этой межсемейной кооперации и проявило себя это чайновское развитие крестьянского хозяйства, пусть и в такой курьезной форме.

Это уже после дефолта 1998 года обнаружилось, что, по крайней мере, в зерновой отрасли сельским хозяйством заниматься выгодно, что здесь можно получить прибыль, и порой громадную. В 90-е годы как раз приватизировали капиталы прежде всего в сырьевых

отраслях. Девать эти капиталы было некуда, и олигархические структуры от никеля, от нефти, от алюминия говорили: «Смотрите, земля по дешёвке валяется по России – её надо скупать. Закупим на наши деньги современную импортную технику – комбайны, трактора, возродим и расширим так называемое колхозное и совхозное производство». И мы видим (Чаянов тоже об этом писал, у него есть исследование по проблемам латифундий), как страна за первое десятилетие XXI века превращается в страну гигантских латифундий. Это эволюция страны по латиноамериканскому пути. Говорили, что всё мелкое невыгодно. Фермер, семейное хозяйство – ну куда им тягаться с громадным агрохолдингом, с его финансовой мощью и организационными структурами. Кажется, что это действительно так, но в реальности всё гораздо сложнее и гораздо трагичнее, потому что существуют свои оптимумы управления сельским хозяйством. И колхоз, и совхоз это уже испытывали. Очень трудно и на 5000 гектаров среднего колхоза – совхоза организовать эффективное управление. А у современных холдингов, где порой счёт идёт на сотни тысяч гектар земли, это тем более трудно.

Сейчас наши аналитические глянцевого журналы всё больше пишут об успехах крупного и крупнейшего агробизнеса, но они мало упоминают о его издержках: о чудовищной забюрократизированности, о проблемах воспроизводства в этих агрохолдингах печально знаменитого колхозного и совхозного воровства. Пишут о том, что создан такой холдинг, другой холдинг. Но в 2000-е годы мы уже имеем целое кладбище «динозавров» – многие из этих холдингов обанкротились. Об этом мало кто пишет.

Маслов, коллега Чаянова, анализируя такой бесконтрольный рост латифундистского производства колхозного типа, вспоминал ещё Плиния, который говорил: «Латифундии погубили Италию и, кажется, уже и провинции». То есть в целом рост латифундий приводит к истощению социальных ресурсов сельской местности, к бесправию сельских жителей, когда даже глава одного сельского района не имеет ресурсов власти и знания по сравнению с каким-нибудь мощным агрокоролём, агроолигархом из Москвы, который полностью может контролировать пол-области благодаря своим агрохолдингам. **Здесь есть очень опасная проблема, о которой мы должны помнить с точки зрения тех самых социальных оптимумов, которыми занимался Александр Васильевич Чаянов.**

СОЦИАЛЬНЫЕ ОПТИМУМЫ ЧАЯНОВА

В чём величие чаяновской утопии? Он попробовал смоделировать в начале XX века в своей книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» модель, в которой сельский мир обладает источниками собственного саморазвития, органического саморазвития, и он является определяющим для всей страны. Можно говорить о том, что 1910-е и 1920-е годы – это уникальная попытка поиска не только индустриального, но и сельского развития человечества. Во всём мире бурно развивается сельская кооперация. В странах Восточной Европы, прежде всего в крестьянских странах, происходит рост сельских политических партий, сельских политических движений. Крестьянские партии приходят к власти и в Болгарии, и в Чехословакии. В 20-е годы крестьяне требуют от советской власти: «Создайте крестьянский союз, крестьянскую партию». Речь идёт о том, что был поиск альтернатив индустриальному пути развития. Можно говорить и о том, что это был утопический поиск (он, кстати, шел и в Соединённых Штатах), что в конечном счёте он не удался – 30-е годы всё расставили на свои места, и индустриальный путь развития победил окончательно, он всё побеждает.

Во всём мире из сёл уходит молодёжь. И во всём мире, в том числе в европейских странах, странах так называемого первого мира, это главная проблема. Вот фермер

стареет и начинает думать: а кому передать моё первоклассное фермерское хозяйство? В Германии ли, в Америке ли, в Японии – дети уходят в города. Во всём мире неудержимо сокращается сельское население. Остается главная проблема: как спасти эту сельскую ткань, ткань сельского мира, эту социальную реальность. Все признают, что без неё тяжело жить на свете. Во-первых, в продовольственном смысле – а кто будет землю обрабатывать, кто будет производить продукцию? Во-вторых, в культурно-экологическом смысле.

Запад может себе позволить роскошь сохранять сельскую местность в виде так называемых постиндустриальных, постмодернистских ландшафтов, когда фермерам в Англии (Англия тут пионер) говорят: «Вы уже можете не обрабатывать землю, не выращивать свою сельскохозяйственную продукцию. Этим будут заниматься страны третьего мира. Вы сохраняйте чудесные ландшафты. К вам будут приезжать туристы и в ваших хлевах, переоборудованных под гостиницы, жить. Вы больше получите дохода как хозяева этих сельских пансионатов на своих фермерских землях».

Но это пока некоторые такие островки. А тот же фермер в Штатах сидит как сын, на десятке километров от него есть ещё какой-то следующий фермер. Человеку необходимо общение, а села, деревни, маленького городка уже нет. Происходит глобальная специализация тех или иных регионов в производстве сельскохозяйственной продукции.

Например, Айова – штат, с которым соревновался Хрущёв в 50-е годы. Это штат, который производил порядка 30–40 видов сельскохозяйственной продукции и экспортировал их по всему миру: конечно же, зерно, но также там были и персики, и яблоки, и чего там только не было. Сейчас мировая конъюнктура рынка способствует жёсткой специализации. И сейчас этот штат гонит в основном кукурузу и отчасти зерновые. Все остальные 38 видов продукции производить невыгодно, потому что можно импортировать ещё откуда-то. В результате Айова находится в очень плачевном состоянии прежде всего в социальном смысле. Там бесконечные маленькие городки, в которых поселилась перманентная депрессия, люди сидят на велфоре или просто уезжают (американцы достаточно мобильные) туда, где более благоприятная экономическая обстановка.

Поэтому можно говорить, что в целом для сельской сферы наступили весьма нелёгкие времена.

Таким образом, становятся актуальны концепции Чаянова, прежде всего связанные с поиском развития оптимальных путей крупного и мелкого индустриального производства со значением так называемого социального фактора. Согласно Чаянову, не всё решает экономическая рентабельность, есть ещё проблема социальной рентабельности. Давайте посмотрим на наше село и на возможности его развития с точки зрения социальной рентабельности.

ЧАЯНОВ И КОНДРАТЬЕВ

Для того чтобы оценить идейную позицию экономиста в 1917 году, нужно посмотреть, что он пишет по аграрному вопросу. И Чаянов, и Кондратьев – оба молодые профессора (им обоим лет 28), в 1917 году выпускают брошюры по аграрному вопросу. Тогда все писали. Аграрная страна в условиях революции – каждый старается зафиксировать свою особую точку зрения по аграрному вопросу.

Кондратьев в своём сочинении – это типичный эсер, я бы сказал, эсер-центрист, который всячески ратует за социализацию земли, то есть за отмену частной собственности на землю.

А Чаянов говорит: «Надо с уважением относиться к разным концепциям, и к частной собственности на землю, и к муниципализации земли... Но в наших условиях, пожалуй, предпочтительнее была бы национализация земли». То есть Чаянов проявляет себя здесь как государственник. Не как государственник-большевик, но он исходит именно из того, что в условиях России, действительно, государство – это очень мощная сила и в данном случае необходима национализация с долговременной арендой для сельхозпроизводителей.

Сейчас многие говорят, что в 1990-е и в 2000-е годы такой путь был бы для нас оптимальным. Ведь когда популисты заявили: землю отдать тем, кто её обрабатывает, поделить всё по паям, в реальности оказалось, что мало кто способен её обрабатывать. Возник законодательный хаос 90-х годов, и в результате через 20 лет земля стала прежде всего предметом забав и манипуляций земельных спекулянтов. А вот те самые, ради которых всё делили на паи, мало что получили.

В 1917 году по политическим воззрениям Кондратьев – эсер, Чаянов – народный социалист. Это самое позднее умеренное течение в эсерах, которые придерживаются умеренных центристских позиций. А что происходит дальше? Дальше Чаянов, пожалуй, остается народным социалистом. А вот Кондратьев занимает уже более трезвые, я бы сказал, буржуазные позиции. Он порывает со своим эсеровским прошлым, достаточно прагматично пишет о значении фермерского пути развития на основе развития и укрепления рыночных отношений, и с точки зрения своих экономических воззрений он в 1920-е годы занимает более правую позицию по сравнению с Чаяновым. Он скептически относится к идеям особого крестьянского пути развития.

Чаянов в начале 1918-х годов писал о том, что большевики – безумцы, что они всё разломали, но потом достаточно быстро пришел к выводу, что надо сотрудничать с советской властью. Он становится ценным специалистом. Его привлекают к созданию первых исследовательских институтов. В Тимирязевской академии он собирает очень хорошую команду профессоров. У Кондратьева же есть проблемы с советской властью, он в начале 20-х годов попадает под суд по эсеровскому процессу, и именно Чаянов после этого приглашает Кондратьева работать в свои структуры. Кондратьев очень быстро проявляет себя как самостоятельный исследователь, руководитель, создаёт свой собственный конъюнктурный институт, уже отпочковывается от Чаянова, и можно говорить, что в 20-е годы между ними существует такая умеренная полемика в видении реальности. Кондратьев больше выступает за развитие частной хозяйственной инициативы, за рынок; Чаянов подчёркивает, что рынок необходим, но он больше нацелен на поиск социально ориентированной кооперации и на сотрудничество с государством. Тем не менее когда в конце 20-х – начале 30-х годов происходит погром самостоятельного крестьянского движения, Сталин объединяет Чаянова – Кондратьева в одном процессе, и они оба подвергаются репрессиям.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

МОГ ЛИ ВЫЖИТЬ ЧАЯНОВ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ?

Чаянов в 1934 году был выслан в Алма-Ату. Он стремился вернуться к полноценной академической жизни. С одной стороны, местные власти ощущают, что к ним прислали

величину мирового значения, они хотят что-то сделать для него. Его привлекают к организации сельскохозяйственной выставки в Казахстане, он пишет ряд работ (кстати, последняя его работа – по казахстанскому колхозному животноводству). А с другой стороны, существуют идейны коммунисты, стукачи, которые говорят: «Разве можно врагу предоставлять трибуну, чтобы он ещё что-то писал? Всё равно он будет всегда вредителем. Сколько волка ни корми...» И в 1937 году Чайнов погиб. Но прежде чем погиб Чайнов, расстреляли тех партийных деятелей, которые в Алма-Ате как-то пытались его поддержать и создать условия для его плодотворной работы.

На мой взгляд, у советской власти, у сталинского руководства существовало гениальное политическое чутьё именно на политических лидеров. Чайнов и Кондратьев были не просто учёными-экономистами – из их идей, из их книг следовали политические выводы. Власть осознавала, что это не просто учёные, но в некоторой степени это политико-интеллектуальные лидеры направления. Мог ли выжить Чайнов? Могли расстрелять и Чилинцева, и Макарова – они выжили, но Чайнова не могли не расстрелять, потому что это действительно был интеллектуальный лидер, из учения которого следовали глубоко политические выводы о том, что возможно помыслить и другие режимы. Уже то, что можно помыслить и другие режимы, каралось смертной казнью в 30-е годы.

СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ЧАЙНОВА И КОНДРАТЬЕВА

Чайнов был забыт основательнее Кондратьева.

Существуют знаменитые вопросы вождям коммунистических партий Мао и Сталину: какой уклон опаснее – правый или левый? Сталин ответил: «Странный вопрос. Оба хуже». А Мао ответил: «Тот, с которым меньше боролись». Это, мне кажется, мудрые высказывания диктаторов. Я считаю, в 30-м году не разбирались в сути воззрений Чайнова и Кондратьева. Там действовали по принципу «оба хуже». Это и была, собственно говоря, политика сталинского руководства

В 30-е годы везде побеждают диктаторские режимы, происходит погром аграрного знания и аграрного движения по всей восточной Европе, в том числе и в Германии. Потом ещё мировая война. Что-то выживает в произведениях Чайнова, переведённых на ряд западных языков (и не только западных, в 20-е и в 30-е годы Чайнов переведён уже и в Японии). Но сама по себе тема крестьянства, особого крестьянского пути, крестьянской мотивации не в моде где-то с 30-х по 50-е годы.

Почему вдруг заинтересовались Чайновым? Потому что в 60-е происходит слом колониальной системы: масса стран третьего мира получает независимость. Стандартно ориентированные на западные модели учёные говорят, что всё нормально: Египет, Индия пойдут по пути западных демократий. Но они не идут – и экономическое, и политическое развитие идёт какими-то особыми путями. И вот когда начинают изучать, что происходит внизу, в толще этих крестьянских хозяйств, вдруг обнаруживается, что они проявляют особую рациональность. Эта рациональность прекрасно описывается в моделях русского учёного Чайнова. И тут происходит бум чайноведения. Говорят: оказывается, он писал не только о крестьянских хозяйствах, но и об особых альтернативных путях экономического развития. Да, в 60-е, 70-е – мода на Чайнова.

Что касается Кондратьева, то его в 30-е, 40-е, 50-е в западной мысли не забыли, как Чайнова, потому что проблема экономических циклов наиважнейшая и имеет свою

историю. Замечательный австро-американский экономист Йозеф Шумпетер исследовал проблему циклов (ещё в 30-е годы). Он обратил внимание и на кондратьевские работы, которые, к счастью, уже были переведены на английский язык. Именно Шумпетер уже в 30-е и 40-е годы не дал имени Кондратьева заглухнуть, и Кондратьева, по крайней мере, специалисты по циклам знали благодаря Шумпетеру. А когда опять обострилась проблема циклов кризисов в 70-е годы, Кондратьева стали изучать уже более углублённо. Кстати, и в СССР обратили на него внимание: в 70-е, 80-е годы начинается стагнация советской экономики, и наши экономисты ломают голову над этой проблемой и пытаются объяснить ситуацию с точки зрения кондратьевских циклов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ЧИТАЛ ЛИ СТАЛИН РАБОТЫ ЧАЯНОВА? ГДЕ АРХИВЫ ЧАЯНОВА?

Он читал работы Чайанова. Пусть он был самоучка, без высшего образования, но то, что он читал работы Чайанова, – это безусловно. Есть такая версия, что как раз в 1929 – 1930-м году именно Чайанову Сталин заказал специальную теоретико-экономическую работу «Афтартия» (о стране за железным занавесом). Чайанов писал эту работу. По тем статьям, которые были опубликованы в 30-е годы, можно примерно себе представить контуры этой работы. И Чайанов, если мы посмотрим протоколы допросов, говорил: «Я завершил очень важную работу для социалистического земледелия, для социалистического народного хозяйства». Но следы «Афтартии» и, кстати, всего громадного архивного наследия чайановского института сельского хозяйства и экономической политики оказались утраченными. И это, я бы сказал, история более детективная, чем история библиотеки Ивана Грозного.

Предполагается, что наследие организационно-производственной школы института Чайанова в 40 – 50-е годы было перевезено в так называемые ялуторовские архивы. Были созданы такие глубоко секретные архивы в городке Ялуторовск (Западная Сибирь), где должна была храниться самая разнообразная техническая информация СССР по разным отраслям науки. К этой секретной информации никто не имел доступа. В годы кризиса, в 90-е годы, якобы решалась судьба этих архивов, потому что не хватало средств на их содержание, на выплату зарплаты сотрудникам. В конце концов было принято решение создать такой своеобразный саркофаг над этим хранилищем и таким образом отложить решение проблемы.

Сейчас проблема не в том, где найти труды Чайанова и Кондратьева. Их основные труды опубликованы. (Может быть, Чайанова всё-таки публикуют несколько больше в силу того, что у него был несколько шире спектр исследовательских интересов. Сейчас Чайанов в мировой науке больше воспринимается не как даже экономист, а как социолог, антрополог, историк.) Но апатия, которая поразила нашу науку, не даёт возможности учёным в достаточной мере интересоваться трудами Чайанова и Кондратьева. Есть фонд Кондратьева, есть фонд Чайанова, они могут дать квалифицированную справку о состоянии наследия того и другого учёного. И опять же, на мой взгляд, необходимо ещё обратить внимание на работы их современников, где можно найти очень ценные идеи для понимания развития советской экономики 20-х годов и, главное, долговременных перспектив российского общества.

ЭКОНОМИСТЫ КРУГА ЧАЯНОВА

В конечном счёте от учёного остаётся его аналитическая модель. Можно сказать, что наиболее оригинальные аналитические модели дали Кондратьев и Чаянов. У Чаянова это теория трудового крестьянского хозяйства, идущего по кооперативному пути развития, и его незаконченная система многоукладной экономики. У Кондратьева прежде всего экономические циклы, но тоже в междисциплинарном аспекте, потому что это и социально-экономические, и культурные циклы. Конечно же, вокруг них были коллеги, которые по интеллекту, по профессиональным знаниям им ничуть не уступали. Здесь прежде всего надо назвать таких учёных, как Чилинцев, Макаров, Рыбников, Минин, Студенский и ещё, пожалуй, пятёрка профессоров.

Чилинцев фактически первым высказал идеи трудопотребительского баланса и особой мотивации трудового крестьянского хозяйства. Современный молодой учёный Крамер, преподаватель МГУ, в своих работах доказывает, что Чилинцев за десятилетие до Чаянова высказал идеи, которые фактически развил и популяризировал Чаянов, – есть несправедливость в том, что вся слава досталась Чаянову. Кстати, Чаянов с большим уважением относился к Чилинцеву. В то время говорили о «теории Чилинцева – Чаянова». И Чаянов признавал, что да, Чилинцев был первый. Почему мы знаем только Чаянова? Чаянов, скажем так, довёл эту теорию до степени изящных моделей, а Чилинцев нет, он вообще писал достаточно тяжеловесно.

Интересна судьба Геннадия Студенского. Он был самый молодой в этой плеяде профессоров организационно-производственной школы. Если на момент репрессий по процессу трудовой крестьянской партии Чаянову и Кондратьеву где-то 42 – 43 года, то Студенскому – где-то 30–31 год. У него было своё особое мнение. Сначала он поддерживал чаяновскую теорию трудопотребительского баланса, потом высказывал достаточно скептическое и критическое отношение к ней. Но главное, Студенский в 1929 году был в Америке в долговременной командировке. Уже было ясно, что в СССР – ужаснейшая ситуация, но Студенский возвращается и пишет очень интересную работу о прогрессе сельского хозяйства, где фактически выдвигает собственную альтернативную Кондратьеву систему социально-экономических циклов, имеющих источник в сельскохозяйственной сфере. Он называет свою работу гипотезой и говорит о необходимости её фундаментального обоснования. Но ему не дали работать. Он был арестован по делу трудовой крестьянской партии и в 30-м году в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Надо, безусловно, сказать о таком замечательном экономисте, как Лев Литошенко. Буржуазный экономист в самом хорошем смысле этого слова, который бесстрашно после 1917 года критиковал большевистский курс. Он доказывал, что все эти процессы социализации, национализации, кооперирования колхозов – тупиковые, и надо делать ставку на развитие либеральной рыночной экономики, на формирование крепкого крестьянина, фермера. Фактически это была столыпинская позиция, но бесстрашно озвучиваемая в 20-е годы.

Литошенко был одним из ярких критиков Чаянова и его коллег. Ещё в 1923 году он выпускает критическую брошюру, где называет Чаянова и его коллег неонародниками. В 1925 – 1926 году он уезжает в Штаты, в Калифорнию, и целый год плодотворно там работает над созданием русско-американского института, который должен заниматься социально-экономическими исследованиями. Литошенко тоже возвращается в Россию.

Литошенко с Чайновым на академических ножах ещё до революции. Литошенко возглавляет партию учёных аграрников так называемого харьковского направления, которые говорят, что главное – это сильный, крепкий хозяин, тот самый кулак, фермер. Чайнов и его коллеги пишут о том, что есть разные типы эволюции сельского хозяйства, и насчитывают шесть типов крестьянских хозяйств: высшие типы, самые богатые и мощные, – это фермерские и кулацкие, но, тем не менее, надо делать ставку на середняка, на типичного крестьянина, развивать его с помощью кооперации. Литошенко не только аграрник-экономист. Он занимается и макроэкономическими вопросами, проблемами национального дохода, проблемами народно-хозяйственного баланса, изучает американскую экономику и сельское хозяйство, сравнивает Америку с Россией. И злая ирония судьбы, я бы сказал, заключается в том, что Литошенко и Чайнов были серьёзными противниками с точки зрения понимания социально-экономической ситуации и возможных альтернатив развития российской экономики. А Сталин их обоих сажает по одному и тому же процессу трудовой крестьянской партии. Кстати, Кондратьев тоже почти не имеет отношения к процессу трудовой крестьянской партии, потому что на позднем этапе своего интеллектуального развития – он, можно сказать, буржуазный экономист, не имеющий иллюзий об особом сельском пути развития.

Литошенко из всех коллег получает минимальный срок. Хотя вроде бы это парадокс: наиболее буржуазный экономист, он в 20-е годы позволяет себе критиковать большевистский режим как никто, но ему дают всего лишь четыре года и раньше выпускают, он в середине 30-х годов может жить и в Москве, и в Саратове. Опять мы можем только гадать. Сталинская карательная машина чудовищно иррационалистична. Почему того убили, а того оставили в живых? Того упекли на такой-то срок, а тому дали поменьше? Это очень трудно объяснить. Но одна из версий такова: советская власть оценила Литошенко за критику Чайнова и его коллег, за то, что он был прогрессист и говорил – всё это народнические и неонароднические иллюзии. И хотя опять смешно: вроде бы человек всю жизнь критиковал, а его приписывают к этому же направлению, но с другой стороны, дают меньший срок.

Чайнов был расстрелян во дворе алма-атинской тюрьмы, Кондратьев расстрелян на подмосковном полигоне, Литошенко направили на Колыму, и там на Колыме он и сгинул – последние сведения о нем датированы 42-м годом. Мы точно не знаем ни места его захоронения, ни конкретных обстоятельств его гибели. Макаров и Чилинцев выжили. Они тоже находились в тюрьме, в середине 30-х их выпустили на свободу и не арестовывали вторично во время великого террора.

У Макарова судьба сложилась драматично. Он работал экономистом, счетоводом в одном из крупных совхозов на юге России. Когда немцы захватили Украину, они сразу вычислили, что это аграрная звезда первой величины и предложили Макарову сотрудничество. Макаров отказался, более того участвовал в партизанском движении. Советская власть его оценила за это. Уже в 40-е годы ему была предоставлена кафедра, по-моему, в Донецком университете. Даже в 50 – 60-е годы он публиковал свои работы.

У Чилинцева также в 40-е и в 50-е годы появилась возможность вернуться к академической работе. Я смотрел в архивах его поздние публикации. Бедный Чилинцев умер в 1962 году почти под 90 лет. Литошенко, Кондратьев, Чайнов – это примерно 1886 – 1887 – 1888-й годы рождения, Чилинцев – 1874 года. И он уже был такой подслеповатый старенький профессор, но в 50-е давал Хрущёву свои рекомендации, говорил о том, что если мы так будем обращаться с нашими колхозами, то никогда Америку не догоним (а в то время все старались догнать Америку).

Если говорить ещё о коллегах, то нужно вспомнить Рыбникова и Минина. Рыбников – специалист в экономической географии, профессор. Алексей Минин был профессором Воронежского университета. С Чаяновым у него были самые тёплые отношения, и часто говорили, что Минин – это alter ego Чаянова, то есть они были единомышленниками в самом высоком смысле этого слова. И считается, что книга Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» навеяна именно этим очень тесным и плодотворным сотрудничеством. И Рыбников, и Минин были расстреляны в годы большого террора.

Когда пытаются осознать, почему этот выжил, а тот нет, сколько кому дали, – невозможно понять, как это происходило. Тут есть, мне кажется, громадный, чудовищный субъективный фактор.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЛЕКЦИИ